
П. КАЗАНСКИЙ

МАРТОВСКИЕ ДНИ В БАРНАУЛЕ^{*} (ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКА)

Многочисленны и подробны описания первых дней революции в столицах; гораздо беднее воспоминания о их характере на фронте, и уж совсем мало есть сведений о том, как прошли эти дни в провинции. А между тем, настроение провинции в эти дни было ведь одним из решающих факторов революции, так как одни столицы, без поддержки провинции и при условии связности армии на фронте, едва ли сумели бы так быстро и безболезненно провести первый период революции, период свержения старой, монархической власти. Поэтому, думается, что настроения, чаяния и образ действий провинции в мартовские дни 1917 года заслуживают того, чтобы не быть забытыми, упущенными из виду в общей картине свержения монархии в России.

Теперь, через два года, когда таким коренным образом изменились эти настроения и чаяния, о тех днях можно уже вспоминать, в значительной степени, как о прошлом, с известной долей спокойствия и объективности.

Попытаюсь изобразить ход событий в том маленьком уголке необъятной русской «провинции», где мне пришлось самому быть участником их, — в Барнауле. Судя по тогдашним газетам, барнаульскую революцию можно считать, по ее духу и общему ходу, довольно типичной для провинции вообще.

ПЕРВЫЕ ЛАСТОЧКИ

Роспуск Государственной Думы, известие о беспорядках в Петрограде — все это несколько нервировало; но к роспускам Думы уж слишком привыкли, к подавлению беспорядков — тоже. И потому мысль о революции как-то не приходила в голову или, вернее, не уживалась в ней. О революции говорили, ее ждали, как неизбежного, но ждали, скорее всего, после окончания войны, при демобилизации.

Тогдашний секретарь Алтайского Кредитного Союза А. В. Спекторский (ныне умерший) не без таинственности показывал кое-кому из сослуживцев, в том числе и мне, телеграмму, полученную им из Петрограда от жены, приблизительно, такого содержания: «Ждем твоего скорого приезда сюда», и спрашивал:

— Понимаете?

Понять было нетрудно: А. В. Спекторскому, как политическому ссыльному, въезд в столицу был воспрещен, и, следовательно, его «скорый приезд в Петроград», равносителен был, если не революции, то, по меньшей мере, широкой амнистии.

Таков был первый намек на готовую разразиться бурю, долетевший до Барнаула. Но все как-то не верилось, все думалось: «не увлекается ли супруга Спекторского, не принимает ли обычную фронду по случаю очередного роспуска Думы за предверье

* Сохранены орфография и пунктуация того времени.

революции? Или — еще хуже, — не увлекается ли целая группа энтузиастов, и не готовится ли Петроград пережить на днях вторую Пресню?»

Дня три не было телеграмм. Это вызывало догадки, но ничего определенного в них не было.

2-го марта я отправился в помещение Алтайского Союза Кооперативов на репетицию. 12-го назначено было общее собрание уполномоченных Союза, и предполагалось для них поставить силами кооперативных служащих «Бедность не порок». Мне предстояло изобразить Африкана Савича.

Но едва собрались участники репетиции, как одна из участниц, слегка запоздавшая, влетела в комнату с копией известной телеграммы Бубликова к железнодорожникам. За телеграмму ухватились, читали, обсуждали, переписывали. Она была слегка переврана, но смысл был вполне ясен. При ней оказался список новых министров (как потом выяснилось, совершенно фантастический), видимо, кем-то созданный по вдохновению. Чрезвычайно характерен этот список, как показатель того, насколько скромны были революционные чаяния провинции в самый первый момент революции: о социалистах или даже трудовиках в этом списке нет и помина; зато между Милюковым и Родичевым красуются в нем и Родзянко, и Сазонов, и граф Игнатьев!

Не менее скромным оказалось в этот момент и наше представление о роли провинций в происходящих событиях. Там, в столицах, что-то происходит или даже произошло, а наше дело — принять это к сведению...

— Господа, из-за революции — не бросать же репетиции! — решили мы, и пьеса была добросовестно прорепетирована. Понятно, все при этом были уверены, что столь-же добросовестно будет она сыграна в свое время...

Третье марта прошло спокойно. Новых телеграмм не было, не опубликовывалась и телеграмма Бубликова. Говорили, что железнодорожная и общая жандармерия задерживают телеграммы, и это вело к постепенному паростанию недовольства и нетерпения.

Вечером Кредитный Союз, в котором я служил, получил приглашение прислать своих представителей на совещание, устраиваемое биржевым комитетом по поводу происходящих событий. Пошли на него председатель правления Союза Берсенев и я, как представитель инструкторской коллегии и временный редактор «Алтайского Крестьянина». Совещание устроено было закрытое, без доступа посторонних. На нем были представители биржевого и военно-промышленного комитетов, Городской Думы, кооперации и управления Алтайской дороги. Сразу-же стало видно, что такое совещание никакой революционной инициативы проявить не способно, и ничего не сделает без директив «свыше». Начальник дороги огласил полученные до этого момента телеграммы, сообщенные ему жандармерией. Все они обращены были от комитета Государственной Думы к агентам прежней власти на местах. Это обстоятельство дало повод сомневаться, — произошла ли в Петрограде полная революция, или же дело ограничивается широкой реформой революционного происхождения. В результате, совещание дружно решило: ничего не предпринимать, ждать выяснения положения. Внесенное было Г. Н. Берсеневым предложение — образовать временный комитет и взять в его руки власть в городе — осталось гласом вопиющего в пустыне.

КОМИТЕТ ПОРЯДКА

4-го марта утром, прия в Кредитный Союз, я попал уже в совершенно иную полосу настроений. Известия об инертности бывшего пакануне совещания взбудоражили наиболее активных людей, и в Союзе образовалась «инициативная группа» по организации комитета порядка, самыми энергичными членами которой явились секретарь Союза А. В. Спекторский и частный поверенный А. К. Колобов. Застучали пишущие машинки, и разъездные мальчики полетели по общественным организациям с приглашением от имени «инициативной группы», на совещание по организации комитета. Кроме кооперативных и других общественных организаций, приглашались и представители городской думы, и представители печати.

Совещание собралось в 11 час. утра в низенькой душной комнате на мезонине

дома Кредитного Союза. Среди его участников выделялась огромная фигура с глазами ребенка и застенчивостью человека, попавшего не в свой круг: это был представитель единственной успевшей откликнуться рабочей организации — артели пимокатов — Е. Селезнев. Кто-бы мог тогда подумать, глядя на него, что это один из столпов будущего совдепа!.. Городская Дума не прислала никого. Я попал на совещание в качестве представителя «Алтайского Крестьянин».

Председателем избрали А. М. Окорокова, представителя Алтайского Союза Кооперативов. Но его обязанности оказались очень немногосложны, — прений почти не было. Против организации комитета никто не возражал, и быстро было решено, что каждая из представленных на совещании организаций к двум часам дня изберет и снабдит полномочиями своих представителей в комитет, а в 2 часа они должны уже быть в Городской Думе и «принять власть». Более крупным организациям отвели по два места, Городской Думе заочно предоставили пять мест. О том, на какую реальную силу сможет опереться комитет, упоминаний не было, — должно быть, это просто никому в голову не пришло.

Члены редакционного коллектива «Алт. Крестьянин» тут-же избрали меня от журнала и в комитет.

В 2 часа прихожу в Думу, заполненную тогда временно пустое помещение оптового магазина в городском корпусе, и застаю это неуютное помещение буквально набитым публикой. Читают только что полученные на телеграфе отречения Николая и Михаила Романовых. Видимо, жандармерия при их получении растерялась, отчаявшись и пустила телеграммы гулять по городу.

Громы рукоплесканий. Ура. Многиеплачут.

Тут-же обращаются к присутствующему в толпе командиру стоявшего в городе полка и, памятуя о finale манифеста 1905 года, просят принять меры против возможности черносотенного погрома. Полковник, сам из усмирителей 1905 года, отвечает:

— Я солдат, и мое дело восстановить порядок, кем-бы он ни был нарушен, — черными, красными, синими, зелеными, или еще какими.

И уходит.

Ему аплодируют в догонку; но тотчас-же выплывает и высказывается сомнение: а что, как полковник признает первый-же митинг, а то и самый комитет за «безпорядок, производимый красными?»...

Городская Дума пытается заявить свои права на власть в городе. Но ей отвечают, что поздно: инициатива из ее рук ушла, комитет организован, и Думе остается дать в него пять представителей; в противном случае комитет обойдется без них. Гласные уходят совещаться в кабинет головы, и немного спустя возвращаются с капитулацией, — Дума признала комитет и выбрала в него своих делегатов.

Тут-же формируется президиум комитета. Председателем избирается тот-же А. М. Окороков, одним из его товарищей делегат Городской Думы, другим — делегат железнодорожников. В число секретарей попадаю я.

Уездный исправник заявляет, что он и вся подчиненная ему полиция — в распоряжении комитета.

Новая власть организована.

ПЕРВЫЕ ШАГИ. ПЕРВЫЙ МИТИНГ

Пообедавши, члены Комитета Порядка собрались снова в Думу. Первое, что пришлось здесь услышать, был слух о готовящейся яко-бы «патриотической манифестиции». Это пахло погромом. Немедленно Комитет из своего состава назначил комиссаром полиции Ф. К. Ненарокомова (члена окр. суда, председателя Гор. Думы) и помощником его С. Е. Пузырева (представителя Союза Кооперативов) и поручил им арестовать жандармского вахмистра, известного Барнаулу организатора черной сотни, а также допросить и, если понадобится, арестовать председателя местного отдела Союза Русского Народа и почетного председателя той-же организации Клевакина. Тут же были назначены комиссары на почту, телеграф, в Гос. Банк и казначейство, в уп-

равление Алтайского Округа, в железнодорожное управление, и два военных комиссара — Окороков и Спекторский.

Военные комиссары сейчас же отправились к полковнику — вести переговоры о подчинении гарнизона новой власти.

В это время затрещал телефон. Из Народного Дома сообщили, что там собирается митинг, что администрация Дома боится последствий и просит принять меры.

— Да, господа, — добавил к этому бывший на заседании исправник, — я имею от своих людей сведения, что на митинг идут молодцы с Алтайских улиц, и что многие из них даже мешками запаслись...

После маленькой растерянности, Комитет командировал на митинг трех членов, в том числе и меня, в качестве официальных ораторов, с задачей — разъяснить собравшимся сущность происходящего.

Надо сознаться, — жутковато было идти в такой момент на собрание совершенно неведомого состава, да еще после исправницкого предупреждения. Но едва вошли мы в фойе Народного Дома, как все страхи разсаялись без следа, — митинг проходил в истинно-образцовом порядке.

Масса публики спокойно сидела в зрительном зале. Мы распределили роли, и, дождавшись очереди, выступили. Первый из нас заявил об образовании новой власти и о том, что мы — ее представители. Его слова встретили восторженно.

Затем взял слово я. Моя задача была — обрисовать историческую обстановку и ход революции. Торжественность момента, незнакомое раньше чувство возможности свободно говорить всю правду — окрыляли. Импровизированная речь давалась легко, шла гладко и одушевленно. Часто прерывали аплодисментами. В середине моей речи кто-то предложил снять со стены зала царский портрет. Позвали сторожа с лестницей. Долго кололся он, отвязывая портрет, наконец снял и унес, и все это при полном гробовом молчании. Ни шутки, ни смешка, ни возгласа. Выдержка в этот рискованный момент была слуцайным и разношерстным собранием проявлена изумительная.

Третий оратор Комитета призывал граждан к организации. А затем кем-то из ораторов было уже высказано ставшее после одним из лозунгов русской революции требование «мира без аннексий и контрибуций».

По окончании митинга мы снова диннулись в Комитет — с докладом о выполнении своей миссии.

Так и осталось не выясненным, откуда взял исправник свои страшные известия о митинге. Он-ли перетрусил, или его соратники, и с перепуга присочинили? А может быть, он питал в глубине души надежду, что новая власть, подобно старой, пошлет его с полицией «на усмирение», и все пойдет по знакомой и привычной дорожке?..

Кроме нас, в Комитете делали доклады Пузырев и военные комиссары. Пузырев сообщил, что вахмистр арестован, а столпы «Союза Русского Народа», вызванные в полицию, растерялись чуть не до обморока и тут-же дали слово никаких манифестаций не устраивать, из Союза Русского Народа выйти и... доносить Комитету о действиях своих коллег по Союзу!

Кстати, нужно прибавить, что на другой день Комитет получил прелюбопытное письмо, за подписью: «Безпартийный Евгений Клевакин». В нем старый монархист перечислял свои общественные заслуги (как организатор пожарного и взаимно-страхового обществ) и заявлял о выходе из партии, так как теперь ему некому стало служить, — царь отрекся. Все письмо так и дышало неподдельной обидой на царя, изменившего своему верноподданному... Чтобы покончить с Клевакиным, укажу еще, что в списках «сотрудников» жандармерии его не оказалось, тогда как председатель Союза значился там под № 1.

Доклад военных комиссаров был не так утешителен. Полковника они не могли нигде застать, а лагерь полка оказался оцеплен часовыми, никого не пропускавшими и не вступавшими ни в какие разговоры.

Стало не по себе. Оставляемые в неведении, изолированные от города, солдаты могли явиться послушной силой в руках полковника, и Комитет не мог не сознавать, что одного залпа будет для него совершенно достаточно...

Решено, что военные комиссары утром снова поедут к полковнику вместе с исправником.

Заседание кончилось в 4 часа ночи.

ПОЛК В РАСПОРЯЖЕНИИ КОМИТЕТА

На утро 5 марта Комитет Порядка снова собрался. Едва успели принять в свой состав представителей еще нескольких организаций и кооптировать городского голову, «по его должностям», как получилось известие, что после обедни на Соборной площади состоялся импровизированный митинг. На него командировали от Комитета городского голову.

В это время военные комиссары и исправник вели переговоры с полковником, а комиссар полиции Ф. К. Ненарокомов в кабинете головы полуял по телефону сообщения о ходе переговоров. Полковник тянул и не давал никаких положительных обещаний.

Вдруг Ненарокомов, бледный, влетает в зал заседаний и заявляет:

— Сейчас телефонное сообщение с военными комиссарами прервано на полуслове... Видимо, там вырвали трубку из рук!..

Ох, как некорошо почувствовалось. Так и виделись наши военные комиссары, поставленные к стенке перед взводом стрелков. А там...

Комитет спешно отправил двух первых попавшихся членов — попались делегаты Думы, купцы Федулов и Никольский — к полковнику, справляясь об участии переговоров и военных комиссаров.

— Ну, господа, будем все-же продолжать работу, — решил председательствовавший. Работа продолжалась. Прошло жутких минут двадцать или полчаса.

Наконец, появляется Никольский, в шубе на распашку, румяный, улыбающийся, похожий на революционера, ни чуть не больше, чем на китайского богдана, и возглашает:

— Господа, все благополучно!

Вздох облегчения. Видно, телефон испортился, а переговоры идут своим чередом...

А Никольский, выдержав паузу, еще веселее восклицает:

— Полковник арестован!.. Его адъютант арестован!.. Командир дружины арестован!.. Полковой священник арестован!.. Исправник арестован!..

Мгновение полного изумления... и гром рукоплесканий и кликов.

— Да что-же это такое! — горячится Ненарокомов. — Исправник был в моем полном распоряжении, выполнял все мои указания! В его руках весь полицейский аппарат! Вы хотите в такой момент оставить город без полиции?!..

Отправляем Никольского освобождать исправника.

Но едва он ушел, врывается Спекторский, бледный, потный, растрепанный:

— Что вы делаете?! Погрома, резни хотите?! Исправник был арестован в телефонной будке с трубкой в руке, очевидно, в тот момент, когда вызывал военную часть...

— Да ведь он же мне телефонировал о ходе переговоров! — перебивает Ненарокомов.

Слава Богу, недоразумение разъяснилось.

Спекторский сообщает об аресте полковника. Оказывается, тот, получив во время переговоров известие о митинге на Соборной площади, ухитрился незаметно для комиссаров протелефонировать в офицерское собрание, одному из офицеров, приказ: взять учебную команду, два пулемета и на площадь — пресекать беспорядок. К счастью остальные офицеры, бывшие уже на чеку, задержали получившего приказ, взяли подвернувшуюся под руку писарскую команду и с ней арестовали полковника и всех, кого у него нашли, кроме, конечно, комиссаров. Исправника нашли у телефона и вообразили, что он помогал полковнику — вызывал войска; да, кстати, сообщили свою догадку и комиссарам в такой форме, что и те поверили. Теперь офицерство уже выбрало нового командира полка и его помощника и строит полк, чтобы вести его к Комитету.

Комитет распорядился освободить всех арестованных, кроме полковника. Надо сказать, — на исправника арест так подействовал, что дня через два он подал в отставку «по разстроенному здоровью».

Приблизительно через час под окнами Думы загремел марш. Члены Комитета бросились к окнам.

— Господа, встретимте представителей полка в порядке! — говорит А. М. Окороков, успевший вернуться и занять председательское место.

Все усаживаются. Музыка смолкает. В зал заседания входят три офицера, и один из них (как потом выяснилось, вновь избранный помощник командира полка), взяв под козырек рапортует:

— Господин председатель, полк в распоряжении Комитета!

Напряжение нервов прорвалось: Комитет разразился оглушительным «ура» и бросился качать офицеров.

Когда восторги поулеглись, отдано было распоряжение отвести полк на Соборную площадь и выстроить там. Комитет направился туда-же.

Небольшая площадь перед собором почти вся заполнилась войсками. Все свободные места, все заборы и крыши унизал народ. Посреди импровизировали трибуну в виде табуретки, поставленной на стол.

К полку обращались председатель и некоторые члены Комитета, говорил новоизбранный командир и офицеры. Ответом было дружное и радостное «ура».

Ф. К. Ненарокомов, как комиссар полиции, заверял всех граждан, что их жизнь и имущество в безопасности, — беспорядки допущены не будут.

— Молодец, судейский! — одобрили из толпы.

Наконец, командир полка предложил вызвать по ротам желающих говорить из солдат. На трибуну поднимается фигура в серой шинели.

— Граждане!.. Смотрите, чудо случилось... Здесь, перед нами, на трибуне... солдат!! И задохся от волнения. По лицу полились слезы...

Городской голова карабкается на трибуну:

— Солдат!.. Поцелуемся!..

И сам плачет.

Табуретка трещит и шатается под двумя рослыми обнажившимися фигурами. Ее держат за ножки, их за полы...

Потом говорили еще несколько солдат. А затем полк с песнями двинулся в казармы.

В КОТЛЕ

С Соборной площади я направился снова в Думу, предполагая, что заседание Комитета продолжится. Но никто не приходил, — видимо, члены Комитета разрешили себе заслуженный отдых. Надо-бы отдохнуть и мне, но уйти из Думы оказалось вовсе не так просто: новопризнанную власть буквально осадили изнервничавшиеся и не-привычные к самодеятельности и самопомощи исполнители и обыватели. В трех комнатах Думы висели три телефона и звонили почти без перерыва. Звонили из полицейских участков, звонили обыватели, в каждой кучке парней индейшило начало погрома. Спрашивали комиссара полиции, просили распоряжений, просили помочь... За отсутствием всех прочих, пришлось на свой риск и страх сделать несколько распоряжений, а затем — направлять, объяснять, обнадеживать, успокаивать... в течение полуторых часов я, в самом буквальном смысле слова, бегал бегом от телефона к телефону.

Наконец, пришел Ф. К. Ненарокомов, и мое невольное дежурство кончилось. Он был озабочен тем, что население начинает враждебно относиться к полиции, а заменить ее некем.

— Да снимите с них форму и дайте какую-нибудь повязку для отличия, — авось, не так будет резать глаза народу, — посоветовал я, уходя.

Плохо-ли разслышал Ф. К. мое предложение или перепутали его подчиненные, но на следующее утро барнаульцы увидели невероятно комичное зрелище: городовых во всей их типичнои форме и со всеми регалиями, и... с красными повязками на левой руке! На повязках красовались буквы «Н. П.» (народная полиция).

Повязки помогли плохо, и через несколько дней полицию пришлось все-жепустить и заменить временно, до организации милиции, солдатами.

Следующие два дня оставили у меня воспоминание только о невероятно напряженной работе. Комитет заседал с утра до глубокой ночи; едва удавалось есть и спать. Постоянно поступали заявления о вступлении в состав Комитета новых членов, от новых организаций. Их нельзя было не принимать, но принимали неохотно, так как состав Комитета становился громоздким, мало пригодным для работы. Вступающие волновались, нервничали... Некоторые комиссары черезчур усердствовали, и приходилось умерять их пыл...

Комитет очистил помещение Думы для ея нужд и перебрался временно в ресторан «Медведь».

Начали организовываться отдельно друг от друга, совет рабочих депутатов и совет военных депутатов (офицерских и солдатских).

Выделился из Комитета отдел сношения с деревней, делавший первыми попытки растолковать деревне смысл происходящего. Большинство членов Комитета сильно боялись темноты и несознательности крестьянства.

От этих двух дней у меня, на фоне работы и заботы, уцелело только два-три ярких воспоминания.

99

В «Медведь» явились три крестьянина. Встретил их я и спросил, что им нужно. Оказалось, что желают узнать о революции и получить указания, как быть деревне, и сверх того имеют еще одно специальное поручение:

— Как мы, значит, у себя в селе сделали сход и поставили приговор — записаться, значит, всем селом в партию социалистов-революционеров, — так вот и послали нас общественники разузнать, что это такая за партия и чего она требует...

Другой эпизод относится к жизни города.

Н. К. Колобов взял на себя не легкую роль объясняться с солдатами, неистово требовавшими пайков. Мудрено было им втолковать, что в такой момент, когда наскоро строятся самые основы нового порядка на руинах старого, не до пайков, и что их гражданский долг — не затруднять и без того трудного положения новой власти. В своих речах Колобов несколько раз употребил обращение «Гражданки!»

И вдруг отповеди:

— Да ты что над нами изгаляешься! Каки мы тебе гражданки! Небось гражданки пайка-то не получают, а мы тут все законные жены!

Кажется, 6-го вечером из Народного Дома опять попросили помощни: собирается митинг и грозит быть очень беспорядочным. Пошли мы вдвоем.

Народа — полно. В зале и в фойе идут два митинга. Каждому хочется сказать свободное слово, а как и какое — неведомо, непривычно. Говорят, кто во что горазд.

Мой компаньон остался в фойе, я прошел в зал, на сцену. Меня заметили и попросили выступить.

Спрашиваю, — на какую тему говорят на митинге.

— Темы нет, идет «волны митинг», — отвечает председатель.

Нечего делать, начинаю, что в голову пришло: о грядущем Учредительном Собрании и об избирательном праве.

Кончили. Из публики голос:

Г. Казанский скажите еще что-нибудь!

Обидно стало, что собрался полон зал людей, тратят свое время без цели, без толку, ради того, чтобы позевать на народ и послушать «что-нибудь»...

А в фойе в это время на трибуну взобрался председатель «Союза Русского Народа» и начал «каяться» в своем черносотенстве.

Рядом появляется другая фигура и предлагает:

— Граждане, объявит ему амнистию!

— Верно, браво, амнистию!..

Но выступает новый оратор:

— Амнистию объявляют борцам за свободу, а он боролся за угнетение народа!..

— Правильно, браво, долой черносотенца!..

Какой-то визгливый женский голос на миг покрывает всех:

— Иуда, долой Иуду с трибуны!

«Кающийся» незаметно исчезает.

Таковы были первые проявления «гражданственности» массового обывателя.

100

ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ КРЕДИТНАГО СОЮЗА

8-го марта началось годовое общее собрание уполномоченных Алтайского Кредитного Союза. Собралось до 150 крестьян, в громадном большинстве съехавшихся, ничего еще не зная о революции. Их необходимо было использовать, как вестников совершившегося переворота в деревне.

Опять шевелился в душе червяк сомнения: как примет революцию деревня в лице своих представителей — кооператоров? Поймет ли ее неизбежность? Одобрят ли?

И опять, с первых же слов на собрании, радостное сознание, что все обстоит, как нельзя лучше.

Слушают с напряженным вниманием, отвечают громом рукоплесканий. Среди служащих Союза нашелся стенограф, и с напряженiem, без отдыха, записывает.

Говорит А. М. Окороков, как председатель Комитета. Затем я выполняю свою осведомительную миссию. Разъясняя причины и ход революции, приходится попутно говорить и о том, чтобы везли хлеб для армии, чтобы не выбирало вкладов из кредитных товариществ и сберегательных касс, чтобы не рубили кабинетских лесов... Речь получается пестрая, но цели, по-видимому, достигает: слушают, приветствуют и даже постановляют — отпечатать ее и разослать по деревням для ознакомления.

СИБИРСКИЙ ФРОНТ

Затем говорят члены Комитета, комиссары, представитель от только-что сформировавшегося совета рабочих депутатов. Всех приветствуют восторженно.

Но вот появляется на трибуне солдат и с ним офицер, молодой, кудрявый, взъерошенный.

— Дайте нам хлеба, а мы дадим вам победу! — говорят они. — Солдат и офицер теперь братья!

И цеплются на глазах у всех.

Зал стонет от оваций. Многие плачут. Из задних рядов слышится голос:

— Все отдадим!..

Офицера и солдата качают.

Странная щутка щутит история. Этот кудрявый офицер, так красиво и вдохновенно обещавший крестьянам победу, был прапорщик Малюков, — через полгода уже ярый большевик, один из столпов барнаульской советской власти. А в июне 1918 года он был разстрелян войсками Сибирского Правительства, занявшими Барнаул.

В своих дальнейших работах общее собрание Кредитного Союза выразило свое отношение к новому строю тем, что ассигновало 50000 р. на устройство при Союзе Культурно-Просветительного отдела, год спустя преобразованного в «Культурно-просветительный Союз Алтайского Края».

Пришло известие, что 10 марта предположены похороны жертв революции в Петрограде и «праздник свободы». Решили праздновать и здесь. Потом оказалось, что в столицах все это было отложено, но Барнаул этого своевременно не узнал и 10-го отпраздновал.

Организацию праздника взял на себя совет рабочих депутатов. Начался небывалый спрос на кумач для флагов.

В один из последних дней перед праздником я заглянул в редакцию «Жизни Алтая». Заговорили, понятно, о празднике, о флагах, и договорились, что не худо бы продемонстрировать среди других выдвинутых революцией лозунгов и лозунг автомо-

номии Сибири. А так как еще в 80-х годах Ядринцевским кружком в Петрограде, при устройстве первого вечера в пользу учащихся сибиряков принятые были, как отличительные знаки распорядителей вечера, белый и зеленый цвета, ставшие с тех пор «сибирскими» цветами, то и лозунг автономии Сибири, решили изобразить не на красном, а на бело-зеленом флаге. Тут-же протелефонировали в типографию просьбу соорудить бело-зеленый флаг и отпечатать на нем: «Да здравствует автономная Сибирь!» Но из типографии спросили:

— А как расположить цвета на флаге?

Действительно, сибирского флага до тех пор не существовало, а потому и расположение цветов на нем не могло быть известно. Но тут я вспомнил, что видел в редакции отчет Сибирского О-ва помоши раненым за 1915 год в бело-зеленой обложке. Отыскали этот отчет, и увидели, что на его обложке цвета соединены по диагонали, при чем зеленый клин расположен вверху и основанием к корешку. Такое расположение, освященное употреблением его всесибирской организацией, решили сохранить и на флаге.

Уходя из редакции, я знал, что бело-зеленый флаг на празднике 10-го марта будет. Но, по правде сказать, подумывал:

— А что, как под ним не окажется никого, кроме состава редакции?..

101

ПРАЗДНИК СВОБОДЫ

Для праздника свободы намечена была Ново-Базарная площадь. Возвышающийся посреди нея песчаный холмик мог явиться очень подходящим центральным пунктом торжества. На нем установили трибуну. Три других трибуны поставили в трех дальних углах площади. Решено было, что на площадь, оцепленную войсками, будут допущены только организованные группы, а масса публики может разместиться по краям площади, позади солдат. Несмотря на это, члены Комитета Порядка из числа цензовых элементов очень беспокоились, как-бы не вышла «ходынка», особенно, когда узнали, что в празднике примут участие и учащиеся.

— Помилуйте, детей задавят!..

Однако-же, совет рабочих депутатов взял всю ответственность на себя и убедил — не запрещать учащимся участвовать в празднике.

Сбор на площади назначен был в 9 часов утра. Погода выдалась чудесная, яркая, с легким утренником. Я пришел на площадь пораньше.

На холмике стоял стол для молебна и лежали трехцветные флаги, принесенные было для украшения холмика, но тут-же забракованые. По площади стояли часовые, не допускающие любопытной публики; но слова «член Комитета Порядка» действовали магически и открывали доступ всюду. С холмика далеко видна была выходящая на площадь улица.

Вот показались на ней, рота за ротой, солдаты. Идут с красными флагами и, подойдя, строятся серыми стенами вокруг площади. Среди них конная казачья сотня. Выстроившиеся войска обходят, здороваясь, командир полка и А. М. Окороков. Им дружно отвечают:

— Здравия желаем, господин капитан!

— Здравия желаем, господин комиссар!

А улица тем временем вся зацвела красным. Идут рабочие организации. Пришла и группа солдат со своим флагом, с надписью: «Свободные солдатки соблюдают порядок».

За ними учащиеся со своими экскурсионными белыми и синими флагами. Все вливается внутрь ограды, образованной солдатами, и постепенно заполняют площадь. За ними идут все новые и новые группы, веют новые красные флаги...

Но вот среди них вдали, под ярким солнцем, ярко блеснули два белых с зеленым полотнища. Смотрю и не могу понять: кто-же с ними идет? Я ждал небольшую группу, а тут внушительная масса людей, и рядом с сибирскими флагами веют и красные.

Бело-зеленые флаги производят недоумение. Кругом меня вопросы:

— Что это, что за флаги?

Объясняю, слушают с интересом, с удовольствием. А через несколько минут слышу уже подальше от себя, на те же вопросы ответ:

— Это Сибирь!

Из улицы, вместо красных флагов, блеснуло золото хоругвей и риз. Духовенство входит на холмик, и начинается панихида по павшим в борьбе за свободу. После панихиды четыре оркестра на четырех углах площади играют похоронный марш. Потом один из священников говорит проповедь:

— Апостол Павел, в послании своем, говорит: «Братие для свободы вы рождены»...

Слушатели улыбаются. Вот как скоро нашелся новый текст на место прежних, о повиновении властям предержащим!

После проповеди оркестры гремят «Коль славен». Потом служат молебен. За них — марсельеза.

Со всех трибун начинаются речи. На одной из них какой-то старичек стал приветствовать свободу и так разошелся, что под эмуки оркестра ударил на трибуне трепака!

Кончились речи, и группа за группой потянулись с площади обратно. Иду к сибирским флагам. Ба, да с ними Кредитный Союз, и служащие, и уполномоченные!

Оказалось, что накануне праздника в редакцию «Жизни Алтая» зашел один из уполномоченных Союза, корреспондент газеты и, увидевши флаги, которых было два, унес их в Союз. Узнав о их значении, крестьяне-уполномоченные ухватились за них и заявили, что пойдут на праздник с ними. Красные же флаги были сооружены служащими Союза.

Со своим Союзом я вернулся с площади. Около здания Союза мы выстроились вдоль улицы и пропустили мимо себя всех, шедших сзади нас, с криками «ура». Напротив нас, по другой стороне улицы, то же проделали гимназистки 2-й гимназии.

По окончании торжества бело-зеленые флаги, вместе с красными, украсили фасад здания Кредитного Союза. Впоследствии один из них увезен был в Томск, на областную конференцию, и ею принят, как образец областного флага Сибири.

Как курьез, приходится еще отметить, что довольно неудачный спичок праздника появился потом в Сытинских «Искрах» с подписью: «Демонстрация в Барнауле, на которой была объявлена автономия Сибири».

Праздник прошел в полном, редкостном порядке.

В тот же вечер Комитет постановил: назвать Ново-Базарную площадь «Площадью Свободы», на холмике поставить памятник и вокруг него разбить сквер.

Первое исполнено; второе и третье ждет лучших времен...

Удача переворота, удача праздника, внешняя дисциплина толпы, дружное признание прошедшего со всех сторон, — все открывало, все вселяло самыя радужныя надежды.

— Мы не повторим ошибок французской революции, — говорили мы в эти дни.
— Мы воспользуемся ея уроками; у нас не будет ни переворотов, ни красного террора, ни реакции...

Как мы были напивны тогда!